
А.Л.Доброхотов

Категория бытия

в классической западноевропейской философии

Издательство Московского университета. М., 1986

Аннотация

Введение

Часть Первая

- I. **Становление понятия бытия в философии досократиков и софистов**
- II. **Сократ**
 1. Онтологическое значение метода Сократа
 2. Бытие и моральное сознание
 3. Сократики
- III. **Платон**
 1. Бытие как эйдос
 2. Эйдос и логос
 3. Имена бытия
 4. Инобытие
 5. Формирование понятия бытия как такового
 6. Границы бытия
 7. Онтологические открытия Платона
- IV. **Аристотель**
 1. Формальные особенности онтологии Аристотеля
 2. Основные положения учения Аристотеля о сущности
 3. Сущность и возможность
 4. Сущность и действительность
 5. Итоги "первой философии"
- V. **Позднеантичные концепции бытия**
 1. Онтологические идеи главных школ раннего эллинизма
 2. Плотин и завершение эволюции понятия бытия в античности

Часть Вторая

- I. **Предварительные замечания**
- II. **Категория бытия в средневековой философии**
- III. **Категория бытия в философии нового времени**

Часть Третья

- I. **Категория бытия в системе Канта**
 1. Бытие и "способность познания"
 2. Бытие и "способность принципов"
 3. Бытие и "способность суждения"
- II. **Категория бытия в послекантовской трансцендентальной философии**
 1. Переосмысление трансцендентального метода у Фихте и Шеллинга
 2. Понятие бытия в философской эволюции Шеллинга

Заключение

1. Кризис онтологизма в философии первой половины XIX века
2. Исторические особенности эволюции категории бытия
3. Философские итоги эволюции категории бытия

Литература

Александр Львович Доброхотов КАТЕГОРИЯ БЫТИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 245 с.

В монографии исследуется история одного из главных философских понятий – категории бытия – в период от Сократа и Платона до Гегеля и Шеллинга. На материале классической западноевропейской философии выясняются основные закономерности становления категории, типология различных концепций бытия, характерные особенности онтологии сменяющих друг друга культурных эпох.

Введение

Понятие бытия – одно из главных в словаре западноевропейской философии. Оно активно употреблялось в основополагающих построениях онтологии, гносеологии, этики и эстетики. Более того, оно настолько связано со становлением западной философии, с такой необходимостью (иногда, впрочем, и с неожиданностью) возникало в ходе важнейших для понимания истории философии теоретических споров, так постоянно воспроизводилось в периоды больших идейных революций, что можно предположить его причастность к самой сущности западноевропейского способа философствования. Не случайно момент кристаллизации категории бытия – поэму Парменида – Гегель, продолживший онтологическую традицию, назвал началом философии, а Рассел, скептически к этой традиции относившийся, – началом метафизики.

Изучение истории категории бытия является, пожалуй, единственным путем к пониманию ее содержания, раскрывшегося в различные эпохи с разной степенью полноты. Есть и обратная связь: изучение содержания категории открывает путь к пониманию смысла идейных и культурных событий той или иной эпохи. Поэтому тему данного исследования можно определить так: каким образом смысл философского употребления слова "бытие" разъясняется историей философии и что в истории философии разъясняется благодаря событиям истории понятия "бытие"?

Объект исследования ограничен в заглавии двумя определениями. Это, во-первых, "западноевропейская" философия и, во-вторых, ее "классический" период. Хотя Древняя Греция, философии которой посвящена значительная часть работы, была источником не только западноевропейской культуры и, строго говоря, не охватывается этим понятием, распространение его на греческую античность допустимо в смысле выведения из ее почвы западноевропейской традиции. Понятие "классического" употребляется здесь как обозначение периода философии, обладающего относительной непрерывностью и единством ценностей, которые сохраняли свой характер нормативности независимо от смены эпох и субординации в отношении таких авторитетов, как наука и теология. Главная установка этого периода – признание разума высшей (по крайней мере, внутри философии) инстанцией. То, что противоположные тенденции, например мистические, были "теневыми" и не имели характера нормативности, подчеркивает устойчивость образца. Целесообразность такого общего обозначения для разнородных и даже воюющих друг с другом тенденций подтверждается сравнением эпохи от афинской классической до немецкой классической философии, с ее древней и новой границами, с архаическим мышлением досократики и иррационализмом новейшей буржуазной философии. Если к любой эпохе культуры в целом предикат "классическая" безусловно неприменим, то к некоторым ее духовным продуктам, стабильно сохранявшим свою внутреннюю форму, он применим. Например, можно говорить как о классических о логике Аристотеля, геометрии Эвклида, теоретическом естествознании Галилея и Ньютона.

Следует сделать еще несколько оговорок, касающихся формальных особенностей научного жанра настоящего исследования. Работа не является историей онтологии. В ней разбирается история одного понятия. Но поскольку это история не термина, а понятия, в нее с неизбежностью вовлекается материал, который в соответствии с логикой предмета служит раскрытию темы. В то же время работа не является исчерпывающей эмпирической историей понятия. Вряд ли такая история была бы полезна, так как содержала бы бесконечные повторы и описание малоинтересных модификаций расхожих схем. Данный труд – это последовательность глав, в которых отобран материал, позволяющий увидеть логику развития категории. Вторым, кроме отбора материала, ограничивающим фактором явился объем книги. Оба фактора продиктовали выбор формы исследования: оно представляет собой историко-аналитическую реконструкцию развития категории и как таковое содержит минимум дескриптивного и общеисторического материала. Здесь возникают некоторые методологические трудности: в работе такого жанра невозможно обосновывать трактовку каждого вводимого в оборот историко-философского явления. С другой стороны, можно ли без должного обоснования писать о таких, например, мыслителях, как Гераклит или Аристотель, когда не только понимание, но и перевод, а зачастую и чтение являются предметом бесконечных ученых споров? Выйти из этого тупика можно, лишь оговорив права выбранного жанра. Не вызывает сомнения право исследователя бесконечно углубляться в анализ отдельного историко-философского явления, но также правомерно делать специальным предметом изучения общие связи явлений. А поскольку здесь перед нами тоже бесконечность, хотя и другого типа, совмещение этих жанров представляется практически невозможным. Никакого драматического противоречия здесь нет, потому что оба типа исследования равно необходимы и дополняют друг друга, если только не судить одно по критериям другого. В данном случае задача намного облегчается тем, что наша историко-философская наука на сегодняшний день располагает многочисленными и интересными публикациями социально-исторического, культурологического и историографического характера. Это позволяет соответствующими отсылками спасти узкоспециальное исследование от лишних разъяснений и экскурсов...